

Валентин Бадран

7 пар, очаровавших мир

(Опыт выдающихся личностей нашей цивилизации)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Николай и Елена Рерих, Михаил и Раиса Горбачевы,

Марк и Белла Шагал, Артур Конан Дойль и Джин Лекки,

Ярослав Мудрый и Ирина, Жан Поль Сартр и Симона де Бовуар,

Карло Понти и Софи Лорен...

Несмотря на то что сумасшедшая, неустанно жмущая на педаль газа, цивилизация неуклонно и со свойственным ей цинизмом разрушает вековые устои, хищнически подкрадываясь к самому сокровенному — любви, извечная борьба инстинктов жизни со стремлением к смерти приводит человека к осознанию необходимости найти спасение от хаоса в семье. С установлением новых идеалов в виде осознанного одиночества или однополрой любви человечество несет крупные потери, однако миллионы людей по-прежнему

стремятся создать прочный союз и отыскать свою «половинку».

История существования человека доказывает, что, с одной стороны, имеет место устойчивое подсознательное стремление к формированию жизненного уклада в семье, а с другой — современный мир пронизан не внушающими оптимизма тенденциями. Семья, имея прежнюю ценность, перестает играть прежнюю роль на практике. Хотя ни крайний эгоцентризм мужчин, ни невероятное расширение с развитием пресловутой эмансипации социальных прав женщин не исключают стремления к противоположному полу. Это стремление все больше становится эпизодическим, без проникновения в мир друг друга, без эмоционального единения и, в принципе, без души. Такая поверхностная форма отношений ведет к бездуховности, а рождающиеся от подобных краткосрочных отчужденных союзов дети и во взрослой жизни остаются эмоционально черствыми, как усохший хлеб. И если эта тенденция с течением времени, не дай бог, наберет силу, человек неминуемо вплотную приблизится к вырождению.

Поведенческие реакции человека, от самого первого младенческого крика до последнего, завершающего акта жизни, являются цепью причинно-следственных связей, результатом

сложного комплекса многослойных отношений человека со всем остальным миром. Это вытекает из неоспоримых законов Жизни. Каждый получает именно то, к чему идет, с силой отдачи, равной силе внутреннего стремления и намерений. Поэтому очевидно, что успешные пары — это не дар Божий, не мистическое совпадение душ-половинок, а подготовленная долгим формированием миропонимания психика, обуславливающая психологическую предопределенность и психологическую готовность каждого из двоих к обретению счастья, помноженные на продуманную, выпестованную терпеливым трудом, тактом и уважением деятельность. А также развитая способность к сопереживанию, чуткости, эмоциональной вовлеченности в жизнь партнера. Это можно обозначить как способность «чувствовать друг друга», которая достигается не иначе, как вследствие реализации определенной, пусть и бессознательной стратегии. Порой кажется, что пары плывут по жизни, как игрушечные кораблики, преодолевающие стремнины горной реки: кому повезет, а для кого препятствия становятся местом, откуда каждый из двоих продолжает свой путь в одиночестве, надеясь построить новое, более крепкое суденышко взамен разбитого и покинутого. Жизнь — не компьютерная игра и не поддается программированию, и для

большинства остается загадкой, отчего одна пара сохраняет равновесие и спокойствие, а другая, даже при внушительной поддержке извне, топит свой несчастный кораблик, а вместе с ним и свое выскользнувшее из рук счастье. Работа над книгой убедила автора в том, что выбор спутника жизни нередко становится мощным стимулом для личностного развития и духовного роста, открывает новые возможности для раскрытия личности, обогащения ее важными духовными ценностями. Порой лишь посредством создания семьи человек получает свой шанс двигаться дальше, в глубины сознания, чтобы, как ныряльщик, ищущий редкий жемчуг, отыскать новые величественные и необъятные формы бытия, в которых проявляются совершенно неведомые, бесценные грани выражающейся природы.

Несколько слов о героях этой книги. Хотя можно отыскать множество счастливых пар, обитающих среди обыденного и наслаждающихся тривиальными ценностями, их незамысловатое счастье едва заметно для окружающих. Нередко с простодушной наивностью полевых цветов оно пробивается сквозь душные и по-военному стройные ряды сорняков. Это неземное ощущение подвластно каждому желающему — любви можно и нужно учиться, не озираясь по сторонам. И все же для исследования семейной жизни под

микроскопом, для беспристрастной попытки наглядно продемонстрировать важные общие черты счастливой семьи, необходимы известные имена, личности, которые человечество хорошо знает. Всегда полезнее учиться на примерах неординарных персонажей, ибо их удачная личная жизнь может стать судьбоносным ориентиром для каждого.

Пристальный взгляд на известные пары обнаружил изумительный парадокс: все истинно счастливые пары состояли из самодостаточных, развитых, самобытных, раскрывшихся, уверенных в себе личностей, сформировавших свое счастье путем мудрого сложения, как в игре, где хитроумно складываются пазлы. Действительно, работа над созданием счастливой семьи сродни труду, направленному на построение успешной личности, поэтому не бывает счастливых пар, составленных из личностей ленивых, недоразвитых и деструктивных. Наши семь примеров являют собой некую линейку разнообразия, на которой каждая пара сумела установить свою, отчетливую и только ей подвластную величину. Их роднит только одно — внутренне ощущение счастья и такое же внутреннее согласие, схожее с состоянием гипнотической гармонии. Во всем остальном они различаются.

Николай и Елена Рерих — пара-миссия, с ведущим женским началом, утверждающая важнейший принцип: семья не является самоцелью, но двойная миссия делает ее легендарной. Тут и роль семейных традиций, и взаимное дополнение друг друга, и успешно построенные отношения с остальным миром, на который они осознанно влияли.

Михаил и Раиса Горбачевы показали успешное совместное стремление к крупной цели, с виртуозно сыгранными ролями. Это иная форма миссии, в которой жизнь семьи подчинялась движению к власти. Но власть, даже верховная власть в империи, не затмевала отношений между мужчиной и женщиной.

Марк и Белла Шагал — одухотворенная, небесная любовь уравновешенных партнеров, утверждающих творческое начало и свободу. И опять семья — не главная цель, а форма организации жизни. Сосредоточенность, энергетическая защита, взаимная поддержка — вот основные принципы этой любви.

Артур Конан Дойль и Джин Леки — это верховенство традиций и привитых в детстве консервативных догм. Рыцарь и дева, освященные религиозными принципами, прошли рука об руку, несмотря на то, что жизнь не всегда была милостива к этой семье.

Ярослав Мудрый и Ирина — это классика матримониального брака. Эта семья сумела утвердить консервативные ценности брака, силу женщины в создании своего мужчины, весомость стараний и компромиссов. А еще понимание, что религия — не догма, но инструмент, шестеренка в механизме, на котором работает семья.

Жан Поль Сартр и Симона де Бовуар — это противоречивый и сугубо французский союз. В какой-то степени, альтернативная форма отношений, приемлемая далеко не для каждой пары. Но исторически она показала себя действенной, жизнеспособной. И поскольку сами участники союза не отступились от своих принципов, эта форма имеет право на утверждение некоего заменителя гармонии.

Карло Понти и Софи Лорен — это необычное решение обычных проблем. Пара, выросшая из заурядного союза до чарующей гармонии. Пара, терпением и прощением утвердившая традиции брака и его силу, доминирование над всеми остальными формами взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Их браки не идеальны, поскольку то, что мы считаем идеалом, существует лишь в нашем воображении. Их браки стали счастливыми союзами, потому что в их воображении именно так выглядело счастье. А это то, чему стоит поучиться.

Николай и Елена Рерих

Сорок лет — немалый срок. В таком далеком плавании могут быть встречены многие бури и грозы. Дружно проходили мы всякие препоны. И препятствия обращались в возможности. Посвящал я книги мои Елене, Жене моей, Другине, Спутнице, Вдохновительнице. Каждое из этих понятий было испытано в огне жизни. Творили вместе, и недаром сказано, что произведения мои должны выносить два имени — мужское и женское...

Николай Рерих

Грядущая эпоха будет эпохой не только Великого Сотрудничества, но и эпохой женщины.

Елена Рерих

Кажется, они пришли с необыкновенной, какой-то жреческой миссией. Пройти путь праведный и благородный вместе от самой первой встречи и до последнего удара сердца, путь вечного поиска Истины. Чтобы доказать, что великая любовь является единственно важным озарением души и что она... возможна. Жгучая жажда жизни наделила их и редкой счастливой любовью. Они сумели пронести огонь этого океанического чувства, не только не растеряв углей за сорок шесть лет совместной жизни, но и превратив этот огонь в

исполинское горнило чувств, в излучающий неимоверное тепло костер, не затухающий под порывами ветров и бегом неумолимого времени. Про них твердили, что они были допущены к какой-то неуловимой тайне, надежно скрытой неведомыми силами от непосвященных и недостойных. Он был вечным искателем, она — его неизменной Ладой, самоотверженной и направляющей духовной опорой, неутомимым ангелом-хранителем, данным свыше, чтобы с отвагой отметать любые сомнения.

Пришельцы с планеты возвышенных желаний

Старшему ребенку в семье преуспевающего нотариуса Петербургского окружного суда Константина Рериха Николаю была предоставлена впечатляющая, никем и ничем не ограниченная свобода действий. Развитию его воображения и свойственной глубоким интровертам впечатлительности способствовало и постоянное чтение детских книжек, причем мальчика более всего привлекали исторические сказания. Еще одним превосходным стимулом к познанию нового оказалась и действительно прогрессивная для тех времен частная гимназия Карла Мая, в которой все обучение было построено по принципу познавательной игры, там учеников поощряли и

ободряли во всех начинаниях. Высокий художественный стиль и превосходное образование являлись органичным и естественным климатом для взращивания нового творца. Эти качества самым непосредственным образом отразятся на его отношении к семье, настроенном на волну спокойного и вдумчивого решения возникающих проблем при наличии незыблемых принципов и практически неограниченной свободы во всем остальном.

Появление у Николая качественно иных, не схожих с отцовскими представлений о мироздании и своей роли в нем связано с целым рядом факторов и событий. Нестесняющий домашний быт и неизменное поощрение исканий со стороны ближайшего окружения предопределили непринужденность при ненавязчивом вовлечении в мир книжных переживаний. В нем рано проявились важное и неотъемлемое качество будущего таланта — религиозная впечатлительность, которая непременно будет присутствовать в семейном укладе и создавать теплую ауру особой духовности.

Похоже, первая мысль о путешествиях посетила Николая еще в детстве, когда он с почти религиозным восторгом и каким-то смутным благоговением рассматривал величественную бронзовую фигуру «первого русского плователя вокруг света» Ивана Крузенштерна,

расположенную вблизи дома на Васильевском острове. Николаю было лишь девять лет, когда в имени побывал известный археолог Ивановский, поведавший зачарованно слушавшему его мальчику о древних могильниках в окрестностях «Извары». Конечно, сыграли свою роль и рассказы о ставшем всемирно известным Генрихе Шлимане. С годами все чаще веселым играм со сверстниками Николай предпочитал упоительное пребывание наедине со своими размышлениями. Рано развитое богатое воображение разыгрывало невероятные исторические сцены, он пытливо и восторженно впитывал неповторимые моменты пролетевших столетий, с которых осторожно смахивал пыль тайны. Полет мысли открывал ему такие вещи, которые и не снились никому из его семьи или беззаботных окружающих. Его потрясала, выворачивала наизнанку тишина, в которой он уже в юношеские годы усмотрел первопричину гармонии и возможность незаметно слиться со всемогущей и всеобъемлющей Природой. Да, он другой! Не такой, как отец, размышляющий о каких-то законодательных тонкостях.

Трудно переоценить и влияние на молодого Рериха тех, кто оказывался в гостях у известного столичного юриста. Выдающийся химик Менделеев, признанный авторитет в области правоведения Кавелин, неординарные

ученые-востоковеды Голстунский и Познеев — все они являли собой прежде всего примеры необыкновенной увлеченности и сосредоточенности на своем предмете. И юноша, копируя колоритных мужей, доходит до отрешенного фанатизма, под «микроскопом» изучая свои личные отношения с Природой. С необычайным, даже, можно сказать, болезненным для ученика прилежанием он изучает птиц, одержимо собирает коллекцию перьев и минералов, с не характерным для юноши рвением оттачивает слог, в семнадцать лет уже печатается в журнале «Русский охотник». Похоже, в это время гимназиста посещают первые мысли о своей миссии, ему явно не по душе занятие отца. Юный Рерих все больше рисует, несмотря на растущее недовольство семьи. Это неукоснительное стремление к самореализации придает ему особый отпечаток серьезности, рано наделяет чертами подлинного чародея, этим самым подкупающим штрихом портрета будущего жениха, мужа, отца.

Но когда пришло время выбрать жизненный путь, непреклонный отец настоял на поступлении в университет. А уж если у сына такое непреодолимое стремление к живописи, пусть он совмещает «серьезное дело» со своим неумным хобби. Николай принял родительское предложение, поступив одновременно и на юридический

факультет, и в Академию художеств, где в то время царили творческие идеи плеяды известных мастеров: Репина, Шишкина, Васнецова, Сурикова, Архипа Куинджи, в мастерскую которого он перебрался по достижении двадцатилетия. На деле вышло, что жесткое условие еще более усилило в молодом человеке акцент на достижениях, сформировав раннюю сосредоточенность на высоком результате. Только для себя различимым пунктиром он наметил направления нового поиска, устремившись в такую высь, о которой даже не подозревали его родные. Несмотря на бешеный ритм жизни с одновременным посещением двух учебных заведений, Рерих еще ухитрился заниматься самообразованием: он осознавал, что настоящий живописец и мыслитель не может обойтись без глубинных знаний Природы. Путь самопознания и конструирования собственной личности как нельзя лучше прослеживается в дневниковых записях честолюбивого юноши, жаждущего признания и доказательств своей духовной самодостаточности. Кажется, прежде всего он намеревался доказать отцу, что волен сам выбирать свою судьбу, поскольку трудом и достижениями подтвердил, что его собственный путь весомее, содержательнее и насыщеннее, чем путь отца, лишенный творчества, а значит, возможности оставить глубокий след для потомков.

Отец стал для молодого Рериха первым раздражителем и стимулом для творчества, порывам которого он останется предан всю жизнь. Замаскированное противостояние с непреклонным родителем, тихое и тщательно скрываемое от внешнего мира, стало сильным импульсом к самостоятельности. Кошунственно ограниченный отцом в карманных расходах (чтобы не хватало на необходимые для живописи краски), студент Рерих сам должен был позаботиться о дополнительном заработке.

С каждой новой маленькой победой молодой человек укреплялся в мысли стать настоящим живописцем, затронуть своим творчеством такие струны человеческой души, которые пробудят чуткость к красоте и величию Природы и станут новым импульсом к самосовершенствованию. Последнему он придавал колоссальное значение, с юных лет начав лепить из себя творца, способного заглянуть за горизонт суетного бытия. Сохранились свидетельства о созданном им «Проекте правил кружка академистов императорской Академии художеств, посвящающих себя самоусовершенствованию». Среди дополнительных направлений оказываются философия, естествознание, история, психология, эстетика, археология, мифология... Стремление к высочайшим достижениям подчинило всю личную

жизнь молодого человека идее саморазвития. Можно с высокой долей уверенности говорить о сублимации либидо, когда сексуальная энергия под воздействием воли направлялась в русло творческого роста. Естественно, эротической сдержанности способствовал и набор нравственных правил, исповедуемых и насаждаемых интеллигенцией, элитарно-аристократической средой, из которой вышел Николай Рерих. Его внутренняя система оказалась в определенной степени настроена на поиск для себя социально значимой роли, предусматривающей творческую самореализацию. Он не только не собирался плыть против течения, пытаясь самоутвердиться в обществе путем продвижения сомнительных или просто резонансных ценностей, но и намеревался поднять существующие духовные ценности до нового, еще более высокого уровня. Этот нюанс крайне важен, поскольку подход к общественным ценностям, формирование для себя системы ориентиров напрямую связаны с отношением к семейной жизни. Ведь семья в его среде была неотъемлемой частью этих духовных ценностей, возможно, краеугольным камнем всего общественного фундамента, и потому в подсознании Рериха контуры его будущих достижений опирались как раз на семью как первую ценность общественно значимого человека, творца,

несущего в мир нечто новое и необычайно важное для развития духовного в человеке. Другими словами, уже сформировавшемся к двадцати годам Рериху был совершенно понятен образ будущей жены, он был готов к нему и поэтому так быстро принял в сердце встреченную им Елену.

Елена, будущая Лада, дочь достаточно известного архитектора Шапошникова, принадлежала к еще более утонченному миру русских аристократов, ставящих превыше всего духовное развитие личности. Древний русский род, героические предки, в том числе олицетворявший победу над Наполеоном фельдмаршал Михаил Кутузов (Елена приходилась фельдмаршалу двоюродной правнучкой), глубокие традиции — все это наложило отпечаток непреклонной необходимости следовать вековым правилам, соответствовать аристократически возвышенному образу потомков высокородных князей. Кроме того, в родственниках Елены значился и гений — композитор Мусоргский, чью память в семье свято чтили и чей образ служил ориентиром формирующемуся новому поколению. Весь этот могучий код своего рода, фундаментальную печать элиты общества, скрупулезно насаждаемую старшими систему ценностей девочка пропустила через себя, сделав неотъемлемой частью своей личной культуры. Иначе и быть не могло: само

воспитание в такой своеобразной среде обязывало каждую девочку к почтению, послушанию и покорности, превращая ее к моменту вступления в брак в жизнестойкую и активную цементирующую глину, предназначенную для укрепления того остова, которым должен выступать в союзе мужчина. Для девушки такое соответствие выражалось прежде всего в манерах, эlegantности и благовоспитанности, формировании изысканного вкуса, любви к музыке, литературе и искусству, а также в терпеливости, спокойствии и умиротворении — осознанном отображении понимания своей, исконно женской, роли. Елену, как и подавляющее большинство девочек того времени, с первых дней прихода в мир тщательно готовили к будущему материнству и горделивому приятию звания чьей-то супруги. Но она появилась на свет в эпоху зарождения женской самоактуализации, выросла живой и энергичной, легкой на подъем, даже стремящейся к активной жизни.

Безликое прозябание в роскошных покоях вызывало в ней чувство негодования и отвращение, как все неполноценное, незрелое, неспособное к развитию.

Сам Николай Рерих, оценивая впоследствии роль воспитания в родовом гнезде своей избранницы, заметил: «Традиции рода

способствовали развитию устремлений к искусству». Таким образом, формирование личности Елены происходило как бы в тепличном, замкнутом и недостижимом для грязи и деструктивных раздражителей пространстве. В такой обстановке она едва ли могла вырасти иной, ее одухотворенность и женственность были заложены воспитанием, однако из множества других девушек своего времени и круга ее выделяла еще и необычайная, совершенно неженская отвага, незримая духовная сила и удивительная пытливость ума. Стремление раскрыть лучшие качества личности было, несомненно, ее собственной заслугой и личным достижением. Ее не ко времени богатый внутренний мир не мог уместиться в рамках существующих традиций, он искал выхода в широкое свободное пространство и, неожиданно столкнувшись с таким же чутким, импульсивным и ищущим разумом молодого Рериха, уже не мог не вступить с ним в незримую связь, чтобы, слившись воедино, вместе искать, открывать и создавать новые грани бытия. В душе этой загадочной девушки странным и непостижимым образом слились метаморфозы «женского» аристократического воспитания и «мужские» требования тревожного времени, вызывающие на свет Божий новых женщин-подруг, женщин-искательниц, женщин-отступниц.

Родители и среда учили ее беречь очаг и высоко нести честь рода, время стимулировало *быть кем-то*, обрести собственное выразительное лицо. Кажется, не случайно в воспоминаниях сына Рерихов, Юрия, наряду с упоминанием о музыкальном образовании и артистичности проскальзывает намек на «революционность» настроения матери в юности. На рубеже столетий мир начал меняться динамичнее и женщина стала по-иному чувствовать себя в обществе, шире смотреть на свою роль. Эти социальные изменения, задев Елену, тесно переплелись с вбитыми в сознание прежними догмами о миссии женщин, смиренных и благородных, эстетичных и религиозно-духовных, заставляющих в течение всей жизни оставаться в тени.

Светлана Кайдаш-Лакшина, намереваясь панорамно представить пространство, окружавшее молодую Елену, предположительно говорит о влиянии на формирование ее мировоззрения таких новых для российского буржуазного общества событий, как книги Веры Желиховской и явление миру ее выдающейся сестры Елены Блаватской, умершей в пору взросления нашей героини. В это же время в Россию приходят вести о кончине другой известной соотечественницы — математика Софьи Ковалевской. Прошло еще несколько лет, и Россию всколыхнула еще одна смерть легендарной

русской женщины — путешественницы Александры Потаниной, названной «новой породой женщин в Европе». С. Кайдаш-Лакшина упоминает даже Софью Шлиман, которая сопровождала на раскопках своего знаменитого мужа. Доподлинно неизвестно, насколько все эти женщины могли повлиять на взрослеющую Елену, но дух новаторства в женском образе должен был проникнуть туда, где воспитывалась российская аристократия. Если бы не чарующая женственность и обволакивающее обаяние молодой красавицы, можно было бы даже говорить о наличии в Елене Шапошниковой признаков комплекса мужественности. Конечно, вряд ли молодая девушка всерьез размышляла обо всем этом, но все же манящая привлекательность самоактуализации женщины не могла ускользнуть от ее чуткого восприятия. Обнаружив у себя любопытные экстрасенсорные способности, Елена поначалу, скорее вследствие моды, увлеклась мистическим спиритизмом. Но этот Божий дар, бессистемно развиваемый в периоды безудержного веселья юности, среди прочего, позволил ей почувствовать свою внутреннюю женскую силу, выделиться, продемонстрировать привлекательность не только физическую, но и духовную, несоизмеримо более могущественную, чем просто утонченные формы развившейся женственности. Мистика придала ее

образу ореол обаяния и неиссякаемой женской силы, той, что движет всем сущим. В возрасте, когда девушка оценивает каждого встреченного на пути мужчину, неожиданно явившийся на ее пути молодой Рерих, не исключено к удивлению самой Елены, вписался в мысленно уже очерченный трафарет будущего избранника.

Семейное моделирование по Рерихам

Можно по-разному воспринимать встречу этих двух сердец, но в их жизненном сюжете самым важным штрихом всегда будет оставаться неодолимое и даже какое-то сверхъестественное стремление друг к другу, то, что многие с восхищением отнесли бы к области интуиции или потусторонних сил. Но это прозрение для обоих вовсе не жест так называемого тонкого мира, а следствие глубокой психологической готовности к духовному единению и результат бессознательного поиска спутника жизни. Первая же встреча позволила каждому из них убедиться в притягательной глубине внутреннего мира другого, мгновенно оценить всю неподдельную серьезность намерений сделать дальнейшую жизнь волшебным шествием в пространстве любви, неумным движением в запредельные просторы за чем-то большим, далеко выходящим за рамки обыденного.

Когда до фанатизма увлеченный раскопками Рерих появился в имении князя Путятина, где впервые встретился с гостившей там Еленой, он уже был внутренне готов к отношениям с женщиной, хотя и не искал их с отчаянным рвением алчущего любви молодого человека. В то время Николай Рерих уже был слишком поглощен собой: обретающий известность художник, картину которого купил сам Павел Третьяков, находился в томительном творческом поиске и вырабатывал свою, отличную от всех существующих, формулу самовыражения. За спиной была знаковая встреча с великим Толстым и вселяющее уверенность напутствие апостола русской литературы на долгую творческую дорогу, выраженное в проницательной рекомендации «править выше того места, куда нужно, иначе снесет», так же как и в представленной старцу картине. Тогда молодой Николай Рерих был еще наивным и витающим в облаках интеллигентом, несколько флегматичным, хотя и деятельным, претендентом на место в среде русской творческой элиты, но в то же время пугливым и несформированным мужчиной. Поздние воспоминания Елены свидетельствуют, что к моменту отъезда Рериха из имения князя Путятина она уже была его невестой. Невероятная для дореволюционной России стремительность принятия ключевого жизненного решения! Между

тем все объясняется довольно просто: к моменту встречи молодые люди уже неосознанно очертили для себя основные качества избранника. И в момент знакомства произошла реакция, подобная химической, когда неожиданно встретившиеся элементы образуют новое благородное соединение.

Для одухотворенного и религиозного мира российской интеллигенции брак являлся, по сути, делом священным. Истоки этого уходят в далекие времена Владимира-крестителя, начавшего формировать духовное восприятие элиты славянского общества Древней Руси. Ни гнусные поступки Ивана Грозного, ни безудержно-двусмысленные порывы Петра Первого не сломали заложенной христианством веры в праведность брачного союза, переросшей в трогательно-трепетное отношение к защите интересов своего рода и родовой памяти. Для понимания состава того навечно цементирующего раствора, связавшего Николая и Елену, стоит уделить внимание сложившимся в паре взаимоотношениям. Для Николая, воспитанного целомудренным и даже несколько инфантильным в отношениях с противоположным полом, открытие Елены оказалось двойным сюрпризом. Она не только обладала притягательной харизмой, ранней мудростью и искусительным обаянием, но и явно стала ведущей в их интимных отношениях,

открывая избраннику и прелесть эроса, и тайную радость томительных переживаний любовной страсти, и океанические просторы женской духовной силы. Поглощенный бесконечными коллекциями, археологией, живописью, самопознанием и самообразованием, он оказался совершенно не знакомым и почти неподготовленным к той части отношений с женщиной, которую каждому мужчине предстоит открыть самостоятельно. Но внутренний мир этого невероятно сосредоточенного, не по годам серьезного молодого мужчины уже был зрелым и достаточно богатым, чтобы усвоить новые волнующие события и настроиться на новые волны. Кажется, немного застенчивый, но способный преодолеть себя молодой человек, которого еще недавно называли в студенческой среде красной девицей и Белоснежкой, покорила ее обескураживающей искренностью и чистотой побуждений, она же овладела его сознанием благодаря исключительной силе женственности, помноженной на всеохватывающую широту своего духовного мира. От нее исходили дурманящие флюиды уверенной в себе представительницы восхитительного пола, интуитивно владеющей всем диапазоном воздействия на мужчину: от эмоционального всплеска непредсказуемой самки до умиротворяющей и направляющей своей спокойной

силой женщины-колдуньи и надежной женщины-матери.

Юная Елена отличалась поведением от своего будущего мужа. Глубоко внутри домашняя и уютная, она в пику застенчивости Николая артистично демонстрировала способность увлекать окружающих и игриво, не без налета театральности, руководить ими. В ней не было фальши сумасбродных светских кокеток, она скорее представлялась обществу манящей, порой блистающей на балах звездочкой, которая тайно мечтает о теплом семейном гнездышке, встрече с единственным человеком, чем-то похожим на ее уравновешенного и знающего себе цену отца.

Крайне бережное отношение к роду и семейным ценностям сыграло далеко не последнюю роль в формировании мировоззрения этих двух объединившихся в вечном союзе людей. И Николай, и Елена выказывали почтенное смирение перед родительскими решениями, относясь к семейно-родовым традициям как к некоему не требующему дополнительных объяснений культу. Вспомните, как легко Николай поддался правилам патриархального уклада, когда отец настоял на его юридическом образовании. Отказавшись от исторического факультета в пользу юридического (при двойной образовательной нагрузке), он принял семейное решение как распоряжение высшей

инстанции или заявление Верховного суда, и этот факт крайне важен при рассмотрении его собственной семейной модели. Точно так же и Елена готова была поступиться тайными желаниями формирующейся женщины в пользу образцовой супруги, каковую старательно лепило из нее окружение. Александр Сенкевич, к примеру, указывает, что после замужества Елена «легко увлекалась той светской жизнью, которая ее окружала». Письма находящегося в археологических разъездах свежеиспеченного супруга полны тревоги и вместе с тем указывают на исключительную роль на семейном корабле, уже тогда отводимую Николаем своей избраннице. «...Знай, Ладушка, если Ты свернешь в сторону, если Ты обманешь меня, то на хорошей дороге мне места не будет. Тебя я люблю только как человека, как личность, и если я почувствую, что такая любовь невозможна, то не знаю, где та граница скверного, до которой дойду я. Ты держишь меня в руках, и Ты, только Ты приказываешь быть мне идеальным эгоистом или эгоистом самым скверным — Твоя воля!» Приводимый Сенкевичем отрывок письма в книге о Елене Рерих трудно переоценить. Это письмо является свидетельством осторожных попыток Рериха закрепить мысль о том, что духовные ценности (а среди них, безусловно, и сама семья) станут основой их дальнейшей совместной

жизни. Тут прослеживается и тайное желание молодого супруга наделить свою избранницу функциями матери, которая бы распространяла свою заботу не только на потомство, но и на него самого. Внешне подвижный и проворный Николай в детстве был слишком впечатлительным и неустойчивым внутренне, крайне нуждался в материнской опеке и вообще поддержке извне, к которым он привык в рафинированной аристократической среде.

Трудно ли было Елене безоговорочно принять эту концепцию? Похоже, что нет, потому что она сама, несмотря на мотыльковую воздушность периода бурлящей юности, стояла на очень твердых нравственных позициях и вовсе не собиралась «обманывать» мужа или «сворачивать в сторону». Говорили, что Елене и до появления в ее жизни Николая делали заманчивые предложения, но неспешность и обстоятельность ее выбора как раз и были связаны с психологической установкой на неповторимый образ, который должен быть избран раз и навсегда. Она никогда не забывала о своем происхождении и великом множестве взаимосвязанных моральных принципов, носителем которых оказалась ее семья. Поэтому те несколько томительных лет до бракосочетания, когда девушку, не без интереса относящуюся к балам и легкому флирту, продолжали «вывозить в свет»,

оказались гораздо более серьезным испытанием для Николая, чем для нее. А вышеупомянутое письмо Рериха являлось скорее признанием собственных сомнений, нежели сомнений в жене. Кстати, к моменту бракосочетания ему уже было двадцать семь, что также является многозначительным нюансом. Испытал ли он к моменту женитьбы близость с женщиной? Возможно, и нет. В этом также следует искать одну из причин его мужской неуверенности и поиска защиты в духовном измерении. Но в этом проявилась и его сильная сторона: первая близость с Еленой, так же как и для нее, скорее всего стала для Николая не только открытием новых граней друг друга, но и базой для формирования замкнутого, автономного мира, самодостаточной атмосферы, в которой духовное неизменно доминировало, а сексуальная сфера являлась его логичным продолжением. Быт же, в силу доминирования в их внутренних установках целеустремленности и сосредоточенности на более высоких целях, вовсе не тревожил ни Николая, ни Елену.

И еще один фактор сыграл значительную роль в деле формирования крепкой семьи: принадлежность обоих супругов к масонской ложе. Масонство в виде некой системы неизменных фундаментальных правил дало те изначальные ориентиры, которые органично вписались в

психологические установки и Николая, и Елены. На связи Николая Рериха с «вольными каменщиками» настаивают и Арнольд Шоц, и цитирующий его современный исследователь Игорь Минутко; о масонском же мировоззрении Елены Шапошниковой обстоятельно говорит Александр Сенкевич. Вполне можно предположить, что молодые люди, вышедшие из таких высокодуховных семей, не могли не проникнуться уважением к тем нравственным идеалам и символам, которые предлагала эта уважаемая организация. В значительной степени масонству, таинственному и недостижимому для непосвященных, они обязаны закрытостью, замкнутостью своих внутренних миров. Несмотря на внешнюю общительность и готовность к взаимодействию с окружающим миром, молодые люди не спешили вывернуть наизнанку свою душу перед друзьями. Для Николая студенческая среда вообще была чуждой, а Елену можно было бы назвать скрытной и склонной к постоянным размышлениям. Соединившись, они сохранили и даже усилили защитную скорлупу, отделяющую семью от всего мира. Кроме того, кажется, из идеологии масонства проистекает и само растущее в течение совместной жизни Рерихов желание создать собственную организацию с выкристаллизованной оригинальной философией,

которая вещала бы всему миру об обновленном культе духовных ценностей, о деле всей жизни семьи, последовательно превращающейся в легенду. Крайне важно, что эти ценностные маяки оказались общими для обоих супругов, что вскоре стало фундаментом для двойной миссии и реализации невероятной по замыслу и масштабам идеи. Таким образом, масонство стимулировало и их интерес друг к другу, и уверенность в соблюдении в будущей совместной жизни определенных моральных рамок, и, в конце концов, интерес к формированию идеи, направленной на развитие духовного мира своих современников.

Семья стала той благодатной средой, где каждый получил новый толчок к духовному развитию, к которому стремился изначально. Уже через два года после создания союза Николай и Елена совершили свое первое совместное путешествие, ставшее начальным звеном в бесконечной серии попыток отыскать ключ от врат Вселенной. Пожалуй, ничто так не объединяет и не способствует пониманию, как совместные поиски чего-то, кажущегося невыразимым, и, в то же время, необходимого для дальнейшей жизни. Потому проникновение в культуру Древней Руси ознаменовалось глубоким осознанием внутреннего мира каждого, началом реализации общей жизненной стратегии, предусматривающей

неуклонное движение к высшей ценности — гармонии любви. Они вместе осознанно стремились к этому, и эта неумная жажда самопознания, радость взаимной поддержки и обмена энергией сформировали общую высшую цель. В силу того что цель эта находилась в плоскости духовного, остальные сферы жизни рассматривались как дополнения второго плана. Переменчивый быт, какой бы он ни был, устраивал обоих влюбленных. Роскошь аристократии, впрочем, без излишнего шика, легко менялась на тихий нетребовательный уют походного жилища, и даже в частых сменах обстановки они умели находить особую прелесть единения. Секрет подобного счастья достаточно прост: их взгляды устремлялись выше горизонта, оба обладали желанием бесконечного познания мира и познания друг друга в этом мире. Глубокие отношения зарождались из совместных усилий в шлифовке кристалла, через который Николай и Елена намеревались смотреть на мир. И хотя нам мало известно о чувственной сфере этих людей, эрос, как кажется, также был частым гостем в спальне одержимых космическими планами преобразования мира людей.

Впоследствии в поисках «путеводных вех» для человечества, «всеобщего счастья» и загадочной Шамбалы они прошли тысячи горных и пустынных километров, ведя рядом и собственных

детей, теряя в борьбе с суровой природой спутников, но первый вояж с молодой женой по городам России все-таки оказался самым примечательным и судьбоносным для становления семьи. И где бы они ни находились, эти мужчина и женщина творили вместе, обогащая друг друга светом, даря друг другу любовь.

Пара, способная к синтезу

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что сам Рерих считал и себя, и свою жену людьми, способными к синтезу, естественно, подтвердив эту позицию своим творчеством. Елена не только прошла с мужем все те тяжелые экспедиционные километры, выдержала суровые испытания в условия горных гималайских перевалов, жизнь в палатках и землянках, но и постоянно трудилась, совершенствуя внутренний мир и пропуская через свое сознание всю полученную информацию об окружающем мире, создавая рельефное представление о пройденном пути. Именно Елена стала автором «Агни-йоги», распространителем Живой Этики и создателем ряда новых форм влияния на современный социум в виде обществ содействия, музеев, форумов. Неслучайно ее называли «Матерью Агни-йоги», а еще позже санскритско-мистическим именем Урусвати

(Утренней зарей, или Светом утренней звезды; этим именем впоследствии был назван и основанный Рерихами Институт гималайских исследований). Действительно, именно Елена Рерих оставалась в этой необыкновенной семье главной движущей силой, основным генератором неиссякаемой энергии. Эта неординарная женщина даже вела личную переписку с президентом Соединенных Штатов и вдохновила мужа на рискованный (в силу очевидности блефа) и вместе с тем многозначительный шаг — передачу от таинственных и неведомых «учителей» ларца с землей Гималаев «на могилу Ленину». Конечно же, и знаменитое общественно-политическое заявление Рериха — Пакт мира — было сделано не без ее влияния. Именно от нее исходила идея преломления всех существующих религий и учений, синтетически преобразованных, в единое направление, совершенное и гармоничное учение, отмечающее классы, грубые формы власти и любые виды насилия — сложный путь к совершенству через перерождение личности. Мужчина в этом изумляющем плодотворностью и слаженностью действий союзе был кропотливым, наделенным сильной волей тактиком, тогда как стратегом, взирающим на свет Божий, как астроном сквозь стекла мощного телескопа на звезды, была именно женщина.

Пожалуй, еще более весомым, чем картины и книги, оставленные семьей Рерихов, является живой и притягательный микромир их взаимоотношений. Они приняли друг друга как единственную истину, как способ самовыражения и взаимного дополнения, и их духовное единство и обоюдное стремление к самовыражению породили глубокую заинтересованность друг в друге, серьезное отношение каждого к деятельности партнера. Сосредоточенность на духовном развитии своих личностей и поиск возможностей возрождения и совершенствования человека в широком контексте создали целостность и завершенность семьи, переход любви-страсти молодости в благоговейную, наполненную осознанной нежностью любовь зрелых, духовно богатых людей. Их отношение друг к другу и стало тем чудотворным синтезом, сканированием друг друга и использованием этой, наверное, самой важной для человека, информации, для искренней поддержки, непрерывного ободрения и помощи в реализации идеи. Кажется, к концу жизни эта пара имела единую ауру, единое обволакивающее их энергетическое поле. Это было прямым следствием их неуклонного стремления к совершенству.

Они постоянно были вместе, росли и развивались совместно, незаметно возвышаясь над наполненным ложными ориентирами и

призрачными представлениями о счастье миром материальных ценностей. Возвышаясь, они ощущали истовую и непреодолимую потребность отдалиться от этого мира. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, им, духовно развитым, вполне хватало друг друга, они без напряжения довольствовались автономным миром семьи. Для своей семьи они создали эффект подводной лодки, часто погружаясь на недостижимую глубину и выныривая на поверхность, в чуждую их духу среду, лишь для пополнения запасов. Во-вторых, они имели общую, возвышенную и благородную цель, чувствуя и развивая в себе уверенность в собственной миссии. И в-третьих, они таким образом выставляли определенный заслон, защиту от проникновения в святую семейную оболочку, оставляя свой мир семьи закрытым для непосвященных местом, садом для двоих. Может быть, поэтому некоторые современники, которым не хватало интеллекта понять представления Рерихов о мире, пытались изобразить их надменными, неприступными и высокомерными. Хотя, конечно же, Рерихи были непростыми. Неизвестно, кто из двоих являлся автором уникальных идей по созданию влиятельных островков из ослепленных благородным учением современников. Возможно, почтенное семейство сознательно лукавило,

выдавая себя за пророков и посланников полубогов. Обладая способностями медиума, Елена Рерих не могла не анализировать деятельности своей предшественницы — Елены Блаватской. Владея громадными ресурсами в виде сконцентрированных знаний, Рерихи не могли не превратиться в адептов красоты, страстных поклонников праведности и культа Истины. И кажется, им, сосредоточенным на жизни, ушедшим из области самоуничтожения человека человеком, Истина действительно была более понятной, чем всему остальному миру.

Порой отвлеченный взгляд на жизнь Рерихов наводит на мысль о том, что их общественно-политическая деятельность направлялась не столько на развитие интереса к творческим достижениям, сколько на акцентирование совершенности семейного союза. Вслед за ними, один за другим, возникали и развивались созданные в различных точках планеты очаги культуры и непреодолимого тяготения к прекрасному, совершенному. Но в большей степени это были участки «фронта», призванные напоминать об имени Рериха, площадки-рассадники идей Николая и Елены. Сначала появилось «Общество Агни-йоги» для распространения учения Живой Этики, потом Институт объединенных искусств в Нью-Йорке, затем музей Рериха в США, еще позже —

собственный журнал «Урусвати» и одноименный Институт гималайских исследований в Кулу. И в значительной степени, как на уровне идей, так и на уровне их реализации, эти проекты явились воплощением «двойной» мудрости. Крайне важным является один знаменательный и судьбоносный для этой семьи штрих: Рерихи духовно росли вместе, вместе преодолели и земное притяжение мира людей, поднявшись над властью, правительствами, правилами материального бытия. Двигаясь тихой поступью, они неожиданно выросли до исполинов в области утверждения ценностей.

В течение всего шестивия по жизни они демонстрировали способность изменяться, духовно расти. Все происходит постепенно, и даже избавление от дурных привычек, свойственных окружающим в период взросления и формирования, случается под влиянием осознанной борьбы с собой. К примеру, отказ Николая Рериха от охоты как способа убийства неспособных защититься животных произошел вследствие глубокой трансформации сознания, сложных мыслительных процессов, в которых неизменно присутствовала незримая тень женщины-путеводительницы, его жены.

Презрев милости власти, уют налаженного быта, прелесть цивилизации, они ринулись выполнять придуманную ими самими

тайнственную миссию. Они неизменно стремились к ощущению собственной исключительности, неповторимости — только так можно было прикоснуться к вечности. Ведь не случайно еще молодым, гостя в Париже, Рерих написал в своем дневнике: «Лучше пройти каким угодно подземным ущельем и вынырнуть полезным и здоровым источником, нежели литься широким руслом и служить для поливки улиц». И он своей жизнью продемонстрировал, что «служить для поливки улиц» — не его удел. И хотя одни обвиняли Рериха в сотрудничестве с гнусным коммунистическим режимом, другие, такие как Репин, упрекали в недостаточной художественности и несовершенстве его живописи, жизнь этого человека находилась под защитой двух величайших и прочнейших в мире щитов: любви и созидательного труда, направленного на совершенствование себя и всего сущего. Елена же в этой самозабвенной борьбе оказалась его лучшим приобретением, самым надежным источником пополнения жизненных сил, вечного и неустанного ободрения, направления на путь великой миссии. Они прошли по жизни рука об руку, счастливые, духовные, осознающие собственную ценность для потомков.

Как многие самоотверженные творцы, Рерих изумляет своей работоспособностью. И кажется, что это могучее и непреодолимое желание творить